

Виктор БУТАНАЕВ

(Абакан)

КУЛЬТ НЕБА В ХОНГОРАЕ

Мақалада Хонгорайдағы аспан құдайларын пір түту сұрыптары мен құрбандық шалудың дәстүрлі ерекшеліктері көрсетіледі.

Makalede, Hongoroy'daki Gök Tanrı kültü ve kurbanlık getirmenin geleneksel özellikleri ele alınmaktadır.

Почитание Великого неба - «Хан – Тигир» представляло основной культ бурханизма Хонгорая. В долинах Енисея, Абакана, Чулыма, Черного и Белого Июсов хонгорцы ежегодно проводили Небесные моления (Тигир тайи), называемые также «Ах-Худай тайи» - т.е. жертвоприношение Белому Богу или «Улуг тайыг» - Великое жертвоприношение.

Согласно бурханистской мифологии, ежегодные жертвоприношения небу повелись от прародителя хакасского народа по имени Борус (Хан-Пургус), который спасся во время Всемирного потопа на своем плоту. Окаменевший его ковчег до сих пор покоится на вершине пятиглавой горы Борус в Саянах.

У Боруса был сын по имени Хылай. Однажды перед ним явился Ирлик-хан, который стал внушать: «В честь спасения от Всемирного потопа принеси в жертву Ах-Худая своего единственного сына. Взойди на высокую гору, привяжи там к березе отпрыска, распори ему грудь, вырви его сердце и сожги в огне». Борус поддался внушению и подумал: «Ах-Худай дал мне сына. Так пусть же он его и заберет!». Затем он поднял Хылая на высокую гору, где привязал его к березе. Ах-Худай заметил деяния Боруса и срочно отправил к нему своего бурхана (посланника). В тот момент, когда Борус замахнулся ножом, чтобы вспороть грудь сыну, бурхан схватил его за руку со словами: «Борус, твои помыслы чисты. Но не впадай в безумие! Ирлик-хан обманул тебя. Великий Ах-Худай не просил детей в жертву. Пусть сыновья станут наследниками своих родителей. Для жертвы Ах-Худая приносите белого годовалого ягненка. Вспоров грудь, разрывайте аорту и горячим мясным паром ежегодно кормите Великое Небо!».

Борус опомнился и отпустил сына. Вместо него он поднял на эту гору белого ягненка с черной головой, которого забил соответствующим образом. На деревянном корытце он поднял вверх горячее мясо жертвы, пар от которого за клубился в небеса. С тех пор в Хонгорае совершается Небесное жертвоприношение или Божье жертвоприношение – «Ах-Худай тайи». Гора, где Борус хотел принести на заклятие своего сына, стала называться Хылай тасхыл по имени его наследника [1].

По всей видимости данный мифологический сюжет послужил основанием для разговоров о том, что в долине Абакана во время Небесного жертвоприношения сжигали детей. Согласно народным повествованиям, среди бельтыров в древности существовал обычай принесения в жертву Небу трехлетних светлых девочек. Ответственный за проведение «тигир тайии», выбираемый ежегодно бросанием жребия, должен был принести на заклание свою дочь. В течение года ребенка морально готовили к самосожжению, чтобы отправиться в мир Белого Творца. Убежденные дети, якобы, сами бросались в жертвенный огонь. Подобные жертвоприношения совершались на горе Хахтыг-таг – букв. Гора - Пепелище по реке Тея [2].

Бурханистские мифы о намерении предков принести своего ребенка в жертву богу полностью соответствуют библейскому мифу об Аврааме и его сыне Исааке, а также мусульманскому - об Ибрагиме и Исмаиле. В день праздника Курбан-Байрам мусульмане режут овец и ягнят в память о том, как Ибрагим был готов принести в жертву своего сына Исмаила [3].

Хакасский термин «тайыг» - жертвоприношение происходит от глагола «тайы» - поднимать кверху, подбрасывать, качать [4]. По хонгорскому обычаю человека нельзя подбрасывать вверх и качать (тайирга), как это делают русские, выражая восторг своими героями. Считалось, что подбрасываемый вверх человек долго не проживет, ибо будет отдан богу.

Небесное жертвоприношение Ах-Худаю совершалось ежегодно летом в июле на белое полнолуние (ах толы). В начале XX в. моление стали увязывать с воскресным днем. Небесный «тайыг» проводился на вершинах священных гор (арыг таг), где собиралось до тысячи человек [5]. Женщинам запрещалось подниматься на них. Бурханистский праздник «Ах-Худай тайии» был территориальным мероприятием, где род не играл никакого значения.

По Хонгораю нами отмечено более сотни гор, где на господствующих вершинах проводились моления Великому Небу, причем 20 из них носят даже названия «Тигир тайычанг таг»- гора небесного жертвоприношения. В долине реки Уйбат через каждые три года надо было менять место небесного жертвоприношения вместе с фамилией ответственного хозяина. На десятый год, через девять лет, опять возвращались к первоначальной горе. В некоторых местах, как, например, в долинах рек Улень, Камышта и Ниня, каждый год небесные моления проводили на разных горах, но через три года возвращались к исходному положению. Например, фамилия Кирбижековых проводила «тигир тайии» в первый год на г.Сыбы –таг, потом на г. Хайбы-таг, на третье лето на г. Хуюлыг-таг, затем снова все повторялось. Жители аала Усть-Бирь в первый год делали небесное жертвоприношение на г. Колергит, на второй – на г. Чанчых-сорах, на третий – на г.Ызых-таг в верховьях р.Уйбат, а затем опять на г.Колергит. Организацией проведения Небесного Жертвоприношения занимался «тос пазы» - глава религиозной общины (букв. глава основы), который переизбирался через каждые три года. Соблюдалась очередность «теес» в службе общине, чтобы выразить

свою дань благодарности (толыг – букв. выкуп) Великому Ах-Худаю. В качестве атрибута власти «тос пазы» получал от «пурхан пасчы» переходной жезл – «ах сабыт», который хранился у него под сводами мужской половины юрты в течение избранного срока. «Ах Сабыт» изготовлялся из березовой ветви, куда привязывались белые и синие ленты – «чалама». Вручение жезла «Ах сабыт» торжественно происходило после завершения «тайыга».

Начинали готовиться к религиозному празднику «Тигир тайии» за месяц вперед. Глава общины «тос пазы» завозил на телеге на священную гору сухие дрова и воду в бочках. Утром в день Небесного жертвоприношения он первый поднимался к культовому месту, куда доставлял древний бронзовый казан – «кулер хазан» передававшийся вместе с «сабытом» из поколения в поколение и безупречно веками служивший Великому Небу. Он водружал его на треножнике из трех поставленных камней. В некоторых местах, как, например, на горе Узун –сын около аала Аев, бронзовый казан в течение года оставался у жертвенника, и его никто не трогал. За исключением казана, на «тайыге» металлическая посуда не употреблялась.

Глава общины «тос пазы» обязан был привезти на заклание трехлетнего белого валуха с черными щеками или ушами, называемого по-хакасски – «мара пастыг ах силеке». Черных или совершенно белых (манган) ягнят в жертву небу не приносили. Однако, если у белого барашка края языка чернели, то его можно употребить на заклание. Согласно объяснению бурханистов, раскраска жертвенного животного соответствует виду зайца, которому выпала честь стать вестником прихода последнего года мира. Цветовая раскраска жертвенных валухов, возможно, связана с видом породы овец Хонгорая, разводимых в древние времена. До сих пор в Северо-Западной Монголии, исторически взаимосвязанной с долиной Верхнего Енисея, цвет шерсти баранов повсеместно одинаков – белые с черными головами.

Кроме главы общины на небесное жертвоприношение привозили барашков и другие хонгорцы, обещавшие материальную помощь. «Тос пазы» всех их благодарил и каждому пожимал руку. На ритуальный праздник забивалось до 20-30 овец.

На месте жертвоприношения должна стоять священная береза – «пай хазынг». Если на вершине горы не находили подобную, то «тос пазы» выкапывал трехлетнюю березку (обязательно с корнями), отвозил на ритуальную площадку и устанавливал, заваливая корни камнями. После жертвоприношения она оставалась на своем месте. Трогать ее запрещалось. Хонгорцы верили в магические свойства «пай хазынг». Если во время моления «пурхан пасчы» потрясет священную березу, то, якобы, пойдет дождь. Нам рассказали случай, как однажды, в урочище Хамхазы, молившиеся бельтыры потрясли «пай хазынг», после чего пошел град. Испугавшись, они прекратили в том месте проводить небесные жертвоприношения [6].

Рядом с березой «пай хазынг» вкапывалась коновязь, куда привязывали священного коня - «ызых» белой масти (ах манган), на котором должен ездить Белый творец –Ах-Худай. В его гриву и хвост вплетались белые и синие ленты «чалама». Ритуальным фетишем служила хакасская рубаха белого цвета «ах чага» - букв. белый ворот, которую набрасывал на плечи руководитель моления «пурхан пасчы». Под священной березой устраивали жертвенник «алтын с!рее»- букв. золотой столик. Для этого вбивали четыре колышка с развилками наверху, на которые укладывали деревянные поперечины.

На небесном жертвоприношении могли присутствовать представители мужской половины хакасского общества, а также девочки (хыс олган), не достигшие половой зрелости. Женщинам, как нечистым существам (регулы по хакасски назывались «кир» - букв. грязь), приходилось оставаться или дома, или у подножия горной вершины. Нам рассказывали, что в долине реки Тея одна женщина поднялась на гору Небесного жертвоприношения и за это была поражена молнией [7]. Раскрывать таинства «тигир тайыг» женщинам или «инородцам» т.е. русским запрещалось, иначе этот мужчина будет отдан сам в жертву богу (тайыл парар). На святую вершину нельзя было подниматься даже верхом на кобылах. Их оставляли у подножия, а сами восходили пешком. Также не брали с собой собак.

Шаманам запрещалось появляться на «тигир тайыге», ибо согласно бурханистских канонов они считались нечистыми созданиями Ирлик хана. Мужчина – шаман мог прийти на небесное моление, но как простой человек-«хал», без своей амуниции. Женщинам – шаманкам в этот день хакасским обществом не разрешалось производить мистерии, ни у себя дома, ни в других аалах. Как сообщал Е Яковлев, если шаман окажется на «тайыге» и «тем более взявшийся за камлание, безумеет и падает в корчах» [8].

Каждый мужчина – и стар, и млад, отправляясь на небесный «тайыг», пришивал не скрученными жильными нитками к макушке головного убора белые и синие флажки - «чалама». Они были длиной в четыре пальца (тортилиг) и шириной в два пальца (икилиг) из синей дабы и белого сукна.

«Чалама» привязывали также на челку верховых коней, на которых ехали к молению «тигир тайии». Священные флажки прикалывались мужчинами или девочками. Женщинам прикасаться к ним запрещалось. Приехав на Небесное жертвоприношение, «чалама» снимали с головных уборов, окуривали богородской травой, возжигаемой на костре, и привязывали жильными нитками к ветвям березы «пай хазынг». В дальнейшем они оставались висеть на священной березе. Иногда, из-за осквернения священного места, флажки «чалама» вместе с березой «пай хазынг», могли, якобы сами, перекочевать на другую «чистую» гору. Рассказывают, что в долине реки Сос совершали моления небу на горе Кур-Азыр. Но в один прекрасный день «чалама» переселились оттуда на гору Тыттыг-хыр. По этой причине жители долины реки Сос вынуждены были переменить свое культовое место [9].

У бельтыров встречался особый головной убор, называемый «улдурбе», который одевался на Небесное жертвоприношение. Он состоял из повязки, к которой прикреплялись перья беркута и ритуальные ленточки «чалама» белых, синих и красных цветов. Убор «улдурбе» повязывался на голову мужчине так, чтобы ленточки свешивались вниз, а перья направлялись вверх. Последних на повязке должно быть столько, сколько в семье душ мужского пола, но не менее трех. Например, если в юрте пять мальчиков, то прикалывали пять перьев из крыла, да еще три пера из хвоста беркута, необходимые для самого хозяина. Кроме того, к «улдурбе» старались привязать лишнее, чтобы в семье прибавился мальчик. Накануне Небесного «тайыга» специально убивали беркута (киикчин), перья которого делились между всеми главами самостоятельных хозяйств. Эффектную повязку надевали в момент выезда, предварительно окурив ее богородской травой. Не отделившиеся от родительского дома взрослые сыновья убор «улдурбе» не делали. На месте жертвоприношения «улдурбе», опять окурив дымом богородской травы- «ирбен» (заготовленной по дороге), привязывали согласно социальному рангу на священную бечеву «ах чиле», длинную в семь сажений. Бечева «ах чиле» одним концом закреплялась за ствол священной березы «пай хазынг», а другим цеплялась за рядом стоящие деревца. Священную «ах чиле» специально сам свивал глава общины «тос пазы» [10]. В тюрко-монгольских языках словом «чиле» называли привязь для молодняка – телят и жеребят на летних пастбищах. Употребление «чиле» на Небесном жертвоприношении обозначало просьбу хонгорцев увеличить приплод скота.

Помимо хакасов, подобный ритуальный убор «улдурбе», но только из перьев филина, встречался среди алтайских шаманов. Кроме того, у бурят и якутов применялись белые волосяные веревки культового назначения на религиозных праздниках, которые носили близкие названия: «дэлбэрге» и «зеле» [11].

Рано утром в день жертвоприношения по приказу организатора «тос пазы» непорочные девушки доили молоко от белых коров и белых кобылиц. Молоко необходимо было везти кипяченым. Для небесного моления по закону Ах- Худая требовалась «белая» пища: 1) молоко белой кобылицы; 2) молоко белой коровы; 3) белый хакасский сыр –«пызылах»; 4) «ореме»-блюдо из молочных пенек. Запрещенным продуктом на бурханистских молениях считалась арака (молочная водка), водка и вообще спиртные напитки. Арака служила пищей шаманских и горных духов, которые вкушали ее во время кропления. Запрещалось курить табак. На Небесном «тайыге» также нельзя было употреблять хлебные продукты, рыбу и соль. Осуждалось также употребление в пищу любимого блюда хакасов – кровяной колбасы, ибо бурханизм запрещал кровавые жертвы в своих обрядах. Запрещалось пользоваться спичками, стеклянной и металлической посудой (за исключением бронзового казана). Вся утварь была деревянной и кожаной. Ложки делались на культовом месте следующим образом. Кружок бересты

сворачивали кулечком и сбоку на месте соединения зажимали расщепленным прутиком.

Священнослужитель «пурхан пасчы» на Небесном жертвоприношении одевал специальную белую одежду (ах кип), которая состояла из женского суконного халата- «сикпен» с наброшенным на плечи белой хакасской рубахой «ах чага» и девичьей шапочки – «алтын сахпа», украшенной на макушке белыми и синими лентами «чалама», полтора аршина длиной. В отличие от всех участников Небесного моления «пурхан пасчы» не снимал своего головного убора и не привязывал «чалама» к священной березе. Ежегодно перед Небесным тайыгом глава общины «тос пазы» к его шапочке «сахпа» прикреплял новую ленту «чалама» и вручал новое полотнище для знамени «туг», которое водружалось на шест «сойги». После завершения Божьего праздника «пурхан пасчы» снимал со своего головного убора старую ленту «чалама» и передавал ее «тос пазы».

Обычай травестизма, т.е. одевание во время религиозного обряда «алгысчылом» женского наряда существовал у всех тюрков Саяно-Алтая, и даже у якутов [12].

Священнослужитель «пурхан пасчы» руководил небесным молением, держа в руках жезл «сабыт», который ему торжественно вручался главой общины «тос пазы». Перед началом ритуала «пурхан пасчы» одевал головной убор «алтын сахпа», а на правое плечо клал жезл «сабыт» и таким образом один обходил по солнцу березу «пай хазынг». В долине Абакана среди бельтыров моление небу начиналось с того, что «пурхан пасчы» сам брал в руки за свободный конец священную бечеву «ах чиле» и, поднимая и опуская при движении по кругу, начинал благословлять небо и землю: «Кок тиг!р хайрахан! Хара чир хайрахан! Улдурбе чайаң хайрахан!» - Владыка Синее небо! Владыка черная земля! Владыка Улдурбе чаян! После начального действия шнур «ах чиле» подростки закручивали вокруг священной березы.

Небесное жертвоприношение состояло из трех действий: молочный ритуал; ритуал заклания жертвы и мясной ритуал.

Молочный ритуал начинался обходом березы «пай хазынг» с брызганием кобыльего молока. Помощники наливали в берестяное ведро (чоочах) молоко, которое держали перед «пурхан пасчы». Руководитель, взяв в руки ритуальную ложку, окроплял священную березу и двигался вместе с помощниками по солнцу, читая молитвы. За ними двигались сначала хозяева жертвенных ягнят, потом процессия остальных бурханистов. После обхода березы «пурхан пасчы» останавливался с восточной стороны и с возгласом «тоор» (теер), кланялся на восход солнца. Весь молящийся люд в этот момент воздевал руки кверху с криками «тоор! тоор!»- т.е. судьба. Возглас «тоор» (теер) являлся обращением к Ах –Худаю, тогда как «соок» (сеек) – к горным духам.

Затем кипятили коровье молоко, которое вместе с пенками (оремелиг сут) наливали в знакомое берестяное ведро (чоочах). Под руководством «пурхан пасчы» опять совершали обход березы.

Завершали молочный ритуал кроплением молока с хакасским сыром-«пызлахом», крошенным в ведрце. Собравшийся народ вслед за руководителем обходил «пай хазынг» по солнцу (кунгер). Во время обхода, при возгласе «тоор», помощники плескали молочными продуктами, а молящиеся вторили своему руководителю двукратным «тоор,тоор!», поднимая руки вверх. В заключение молочного ритуала каждый бурханист подходил к «пурхан пасчы» и причащался к богу, получая глоток молока – «олчей» - т.е. счастье, зачерпнутого берестяной ложечкой с донца ведерка. «Святой вождь» благословлял: «Пусть будут коровы молочными! Пусть будет многолетней ваша жизнь!».

Ритуал заклания ягненка начинался обводом жертвенного животного вокруг священной березы. Белому валуху подгибали правую переднюю ногу и на сгиб одевали колечко – «похсах», свитое из березовой ветви. Чтобы колечко «похсах» не соскочило, между ним и согнутым коленом вдевали чеку. Вел жертвенного валуха глава общины «тос пазы», оседлав его сверху, и двигаясь вслед за жрецом. Обход начинался с востока. Жертва ковыляла на трех ногах. Такое движение по-хакасски называлось «тойрангна-«. Интересно, что в соседнем Китае хромящая походка интерпретировалась в качестве ритуального танца шамана [13]. В Бурятии словом «тойрохо» обозначали прощальный круг вокруг могилы усопшего после захоронения. Возможно, и в Хонгорае хромящий шаг обозначал прощальное движение.

Завершая каждый обход вокруг березы, по команде все кричали «тоор!». После троекратного обвода жертвенного валуха, при восклицании руководителем «тоор», молящиеся поднимали руки к небу, а затем припадали на правое колено и кланялись на восход солнца. Если в жертву приносили семь или девять барашков, то их всех обводили указанным порядком.

Затем принесенный на заклание валух разворачивался головой в сторону восхода солнца и забивался жертвенным способом «озеп». Эту операцию проводил сам глава общины «тос пазы». Перед умерщвлением колечко «похсах» снималось с ноги валуха. Кости туши расчленялись по суставам. Разбивать их пополам и есть костный мозг запрещалось. Требуху, голову и конечности складывали под жертвенным столиком «алтын сирее».

Кровь жертвы нельзя было проливать на землю. Она собиралась в грудной полости, откуда ее черпали в чашу и сжигали на огне. В отличие от Небесного праздника при шаманских общественных молениях совершались кровавые жертвы. Кровь из грудной полости – «когис ханы» шаманом наливалась в чашку, а затем кровью окроплялась береза «пай хазынг».

На восток от священной березы «пай хазынг» раскладывался жертвенный костер «улуг от»- букв. великий огонь, для божьего мяса (пусха соххан ит). Его зажигал глава общины «тос пазы» своим серебряным огнивом. В воде бронзового казана варилась правая половина туши барана, правая передняя нога, сердце, почки. На пару готовились легкие. Из печени жарили самое уважаемое блюдо на Небесном жертвоприношении – шашлык «сохачы». Его готовили только на «тигир тайыге» и обязательно сначала

клали на жертвенный столик «алтын сирее». С западной стороны делали второй костер «кичиг от» - малый огонь, где готовили еду для всех мирян и где затем сжигали остатки мяса.

После того, как баранина была готова, совершали троекратный обход вокруг «пай хазынг» с горячим мясом. Дымящиеся куски баранины складывали на ритуальный поднос (тайыг типсизи), сделанный из березовых ветвей. Его поднимал двумя руками глава общины «тос пазы» и двигался вслед «пурхан пасчы». Когда мясо остывало, то вместо него подкладывали горячие куски из бронзового казана. На территории Кызыльской части Хонгорая употребляли девять подобных ритуальных подносов, которые устанавливались под березой «пай хазынг». Троекратное движение по кругу сопровождалось вдобавок брызганием: при первом обходе – молоком с пенками, при втором – молоком с накрошенными сердцем и легкими, при третьем – бульоном с накрошенным «пызлахом». Каждый обход завершался остановкой с восточной стороны, где все кланялись и бросали клич небу «тоор!». Закончив мясное действие, «пурхан пасчы» раздавал с ритуального подноса куски мяса участникам моления, под названием «олчей» - т.е. счастье. До тех пор, пока не пройдет мясной ритуал, к застолью никто не приступал.

После полного завершения поклонения Великому Небу стелили на землю конские чепраки или «зеленые скатерти» – «салаачы», сплетенные из веток березы и приступали к трапезе. Соль и хлеб не употребляли. Все мясные объедки и кости сначала складывали на жертвенный столик «алтын сирее», а потом все вместе с требухой сжигали. До тех пор, пока жертвенник с мясом не сгорит, нельзя было уходить. Следили за тем, чтобы остатки пищи не растащили собаки, грызуны и птицы. Место костра гасили, во избежание степных палов. Шкуру главного жертвенного валуха (вместе с головой и конечностями), которого доставил глава общины «тос пазы», сжигали на жертвенном костре «улуг от». На территории Кызыльской части Хонгорая эту шкуру вешали на березу «пай хазынг».

«Пурхан пасчы» за свою работу получал все шкуры забитых овец, за исключением шкуры главной жертвы. Ему же в качестве высшего уважения преподносили шашлык из печени со словами: «Пусть Ах – Худай притянет пар шашлыка-сохачы!».

В конце великого застолья «пурхан пасчы» поднимал вопрос о проведении следующего Небесного жертвоприношения. Если трехлетний срок служения старого главы общины «тос пазы» кончался, то выбирали нового «тос пазы», согласно установленным обычным правом очереди «теес». Священнослужитель «пурхан пасчы» торжественно передавал ему ритуальный жезл «сабыт». Собравшийся на небесное моление народ участливо у него спрашивал: «Сумеешь ли выдержать общественную нагрузку?». На это, как правило, вновь избранный «тос пазы» отвечал положительно и уверял людей в своих способностях. Хонгорцы были

уверены, что если «тос пазы» не сумеет организовать «тигир тайыг», то жизнь его рода прервется.

В качестве материальной поддержки главы общины «тос пазы» некоторые участники моления вызывались привезти на следующий год годовалых ягнят для заклания. По степным законам Хонгорая им преподносили грызть овечью голову. Овечья голова имела сакральное значение. Кто получал голову, тот обязательно должен на следующий «тайыг» привезти ягненка. Согласно правилам, овечью голову вручали юношам, которые по возрасту становились новыми членами бурханистской общины «тос-томег». Если обещавший привезти барашка не сдерживал слово, то его наказывали розгами. Однако общество после этого не снимало с него долга и последний обязан был через год принести уже двухлетнюю овцу.

После застолья молодежь устраивала игры, конные скачки, борьбу. По возвращении к родному очагу, глава общины «тос пазы», приглашал к себе домой почтенных участников моления продолжить торжество [14].

Во времена Советской власти бурханистские моления стали преследоваться. Последние Небесные жертвоприношения в Хонгорае были совершены в 1927-1928 гг. накануне коллективизации. После чего культовые атрибуты алгысчылов вместе с бронзовыми котлами были захоронены в тайных местах на века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстухин Харатай, 1895 г. рождения, качинец, аал Кандалов.
2. Патачаков Сомай, 1880 г. рождения, бельтыр, аал Политов.
3. Ислам. Краткий справочник. М., 1986. С. 56.
4. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. С. 133.
5. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной 15 мая 1896 по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. //УЗКУ. Казань, 1897. Кн. 3 С. 31.
6. Топоев Пайса, 1896 г. рождения. сагаец, аал Хобыйлар.
7. Ултургашев Никадим, 1934 г. рождения, бельтыр, аал Политов.
8. Яковлев Е.К Ук. соч. С. 106.
9. Нербышев Тикпер, 1905 г. рождения, бельтыр, аал М. Монок.
10. Патачаков Сомай.
11. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987. С. 280.
12. История Якутской АССР. Т. 1. М.-Л., 1955. С. 254.
13. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 168.
14. Толстухин Харатай.